

В шумной, гомонящей толпе Цяо Ю надёжно заслонил собой стоявшего позади юношу. Нахмурившись, он смерил спесивым взглядом ученика службы наказаний и высокомерно бросил:

— Да ты хоть знаешь, кто перед тобой?

— Знаю. Второй ученик Бессмертного почтенного Чжэньняня — Цяо Ю, и его четвертый преемник — Си Яо.

Собеседник в строгом одеянии службы наказаний окинул Цяо Ю проницательным, острым взором, после чего перевел взгляд на прячущегося у того за спиной Си Яо.

— Только устав ордена писан для всех, — твердо добавил он. — И исключений мы не делаем ни для кого.

— Ах ты!..

Цяо Ю, славившийся буйным нравом, мгновенно вспылел. В его руке соткался Лук, Преследующий Луну. Толпа вокруг испуганно хлынула назад, раздались встревоженные выкрики:

— Старший брат Цяо достал свой лук!

Это оружие, почитаемое как одно из главных сокровищ ордена Сюаньтянь, пользовалось грозной славой благодаря своей сокрушительной, смертоносной силе.

Однако Цзян Сяннань не отступил. Он призвал собственный духовный клинок — изогнутую саблю со сверкающим лезвием, на сталь которого была нанесена вязь сложных узоров. Оружие явно было превосходного качества, однако на фоне величественного Лука, Преследующего Луну, оно заметно блекло.

Цяо Ю пренебрежительно усмехнулся. Клинки вот-вот должны были скреститься, как вдруг из ниоткуда со свистом прилетел меч. Он с силой вклинился между луком и саблей, со звоном отразив оба удара, и глубоко вошел по рукоять в землю. Собравшиеся тут же ахнули, узнав в нем Меч Благородного Мужа — личное оружие первого преемника ордена Сюаньтянь.

Пожалуй, этот клинок пользовался даже большей известностью, чем сам его владелец, Цзи Гуаньци.

Сам же Цзи Гуаньци неспешно приблизился лишь мгновение спустя. Не обращая внимания на яростный, испепеляющий взгляд Цяо Ю, он лишь холодно мазнул по нему глазами и обратился напрямую к Цзян Сяннаню:

— Что здесь происходит?

Цзян Сяннань, ожидавший, что первый преемник вмешается ради своего соученика, держался настороже. Однако, заметив, что тот не собирается выгораживать нарушителей, он смерил знаменитого юношу оценивающим взглядом и ответил:

— Преемник Си Яо самовольно проник в запретную зону около Павильона Небесных Тайн. Мы пытались задержать его, но Цяо Ю встал на пути, мешая правосудию, и ранил дежурных учеников службы наказаний.

— Си Яо и понятия не имел о запретных зонах! — тут же вскинулся Цяо Ю, заслоня младшего соученика. — Он без году неделя в ордене, откуда ему знать ваши правила? Ты просто прикрываешься своими полномочиями, чтобы притеснять его!

С этими словами Цяо Ю резко развернулся к Цзи Гуаньци:

— Ну же, скажи хоть слово!

— Если старший брат Цзи тоже намерен выгораживать провинившихся, то лучше нам сразу закончить этот разговор и передать дело старейшине службы наказаний, — твердо произнес Цзян Сяннань.

Он не трепетал перед знатным происхождением Цяо Ю и тем более не собирался заискивать перед Цзи Гуаньци. Впрочем, зная, что первый преемник никогда не опускался до высокомерного самодурства, Цзян Сяннань говорил хоть и жестко, но вполне учтиво.

Цзи Гуаньци отлично знал его упрямый нрав. Ничуть не рассердившись, он лишь слегка улыбнулся:

— Я ведь еще и рта не успел раскрыть. Откуда такая уверенность, что я стану покрывать нарушителей?

Цзян Сяннань удивленно взглянул на него. Юноша перед ним стоял спокойный, статный, с легкой полуулыбкой на благородном лице.

— Если Си Яо действительно проник на закрытую территорию, его проступок надлежит рассмотреть согласно уставу, — ровным голосом произнес первый преемник. — Однако, поскольку он принят в орден совсем недавно и еще плохо ориентируется в расположении павильонов, меру наказания для него можно смягчить.

Не давая ошеломленным спорщикам вставить ни слова, Цзи Гуаньци резко сменил тон на ледяной и непреклонный. Он повернулся к Цяо Ю:

— Но что касается преемника Цяо Ю... Он пошел на сознательное нарушение, избил соучеников и едва не применил в стенах ордена Лук, Преследующий Луну — оружие колоссальной разрушительной силы. За содеянное он должен понести наказание по всей строгости устава... без каких-либо поблажек.

— Цзи Гуаньци! Да как ты смеешь! — взвился Цяо Ю, багровея от ярости. — Потакаешь чужакам, идешь против своих же соучеников?! Я все расскажу наставнику!

— Иди и расскажи, — спокойно парировал Цзи Гуаньци, не собираясь больше потакать капризам избалованного барчука. С тихим щелчком он вернул Меч Благородного Мужа в ножны, и бушующая вокруг духовная энергия мгновенно улеглась. — Пожалуйся, что решил припугнуть соучеников священным луком. Хватит ли у тебя духу признаться в этом перед Бессмертным почтенным, Цяо Ю? Я ведь пытаюсь сохранить тебе остатки лица.

Стоящий посреди притихшей толпы Цзи Гуаньци казался прежним: те же белоснежные одежды, тот же неизменный меч у пояса, то же красивое лицо. Но внутри Цяо Ю росло смутное, тревожное чувство — этот человек неумовимо изменился.

Прежний Цзи Гуаньци по крайней мере никогда бы не стал так прилюдно унижать его и выставять на посмеище.

— Расходитесь, — негромко скомандовал Цзи Гуаньци и, прижав ножны к боку, зашагал прочь. Напоследок он бросил через плечо: — Советую самому явиться в службу наказаний. Если за тобой придет лично старейшина Сунь, позору не оберешься.

Нрав у старейшины службы наказаний был на редкость суровым и прямолинейным — в этом Цзи Гуаньци успел убедиться на собственном горьком опыте.

Разумеется, весть о случившемся быстро долетела до ушей Бессмертного почтенного Чжэньнаня и главы ордена. Отец Цяо Ю пришел в такое неистовство, что едва не схватился за плетень, дабы проучить непутевого сына, и лишь благодаря уговорам старейшин его удалось удержать.

— С самого начала знал, что из этого оболтуса не выйдет ничего путного! — в сердцах цедил сквозь зубы глава ордена.

Впрочем, побоев Цяо Ю никогда не боялся — любые наказания лишь разжигали в нем дух противоречия. Глава ордена в тайне признавал свое полное бессилие перед строптивым сыном.

Сидящий рядом Бессмертный почтенный Чжэньнань оставался безучастным к чужому гневу. Лишь когда упомянули, как Меч Благородного Мужа пресек готовящуюся схватку, его пальцы едва заметно дрогнули.

— А что Цзи Гуаньци? — негромко спросил он. — Не ранен?

Духовное оружие связано со своим владельцем незримыми нитями души. Если погибает заклинатель, разбивается и его клинок; но верно и обратное — повреждение духовного оружия неизбежно наносит тяжелейший удар по духовному источнику хозяина.

Эта мысль невольно всколыхнула в памяти У Синбая старые раны, о которых он предпочел бы забыть навсегда.

— Докладываю Бессмертному почтенному: старший брат Цзи не пострадал, — почтительно отозвался пришедший с донесением Цзян Сянань.

У Синбая волновало исключительно благополучие своего старшего ученика. Все прочее казалось ему пустой суетой; если над орденом не нависала угроза полного уничтожения, заставить Бессмертного почтенного вмешаться было практически невозможно.

Когда старейшина службы наказаний вместе с Цзян Сянанем удалились, глава ордена тяжело вздохнул и с горечью произнес:

— Скажи, Синбай, если этот сорванец и дальше продолжит бесчинствовать, как я посмотрю в глаза его покойной матери на том свете?

Мать Цяо Ю погибла в жестокой битве со слугами тьмы, защищая родную обитель. Мальчик тогда был еще младенцем в колыбели и не познал материнской ласки. Именно поэтому отец всю жизнь прощал сыну любые провинности, малодушно потакая его капризам — и сам не заметил, как вырастил самовлюбленного и неуправляемого гордеца.

У Синбай молча выслушивал сетования старого друга, не стремясь давать пустые советы.

— Да, кстати, Синбай, — словно вспомнив о чем-то важном, оживился глава ордена. — Помнишь то давнее предсказание? О том, что в ближайшие десять лет Небесное Дао претерпит сокрушительный удар... Но ведь Небесное Дао — нечто неосязаемое, бесплотное. Ума не приложу, как понимать это пророчество.

— Проблемы нужно решать по мере их поступления, — бесстрастно обронил У Синбай, поднимаясь с места. — Меня ждут дела. Позволь откланяться.

— Постой! — попытался остановить его глава ордена, но У Синбай двигался слишком стремительно. Скользнув мимо друга, он мгновенно растворился в воздухе, оставив того сокрушенно качать головой.

— Ушел... — пробормотал глава ордена. — Хоть бы словом обмолвился, как прошли годы медитации. Ну что за человек!

Впрочем, все мысли У Синбая занимал лишь Цзи Гуаньци. Этот упрямец никогда не жаловался на боль. У Синбай до сих пор помнил, как несколько лет назад юноша вернулся из странствия у подножия гор. Спасая невинных, он столкнулся со сворой отступников и вышел победителем, но сам получил тяжелую рану. И ведь ни звуком не выдал своих мучений! Молча терпел, в одиночку перевязывая порезы и дожидаясь, пока тело исцелится само.

Если бы У Синбай случайно не заметил застарелые шрамы на его теле, то так ничего бы и не узнал.

— Наставник? — Сяо Танцин, беседовавший во дворе с Цяо Ю, внезапно уловил слабое колебание духовной энергии. Среагировав мгновенно, он развернулся к воротам усадьбы и склонился в глубоком поклоне:

— Приветствую вас, наставник.

— Наставник, — торопливо последовал его примеру Цяо Ю, не смея поднимать глаз. — Ваш ничтожный ученик приветствует вас.

— Где Гуаньци? — прямо спросил У Синбай.

— Ушел в бамбуковую рощу, упражняется с мечом, — ответил Цяо Ю.

Ему очень хотелось отпустить какую-нибудь колкость в адрес Цзи Гуаньци, но, вспомнив недавний холодный взор У Синбая, он благоразумно прикусил язык. Его дерзость сходилась ему с рук перед отцом, но перед Бессмертным почтенным Чжэньнанем даже глава ордена не осмелился бы перечить.

Услышав, что старшего ученика здесь нет, У Синбай мгновенно потерял всякий интерес к беседе. Не удостоив юношей больше ни единым словом, он развернулся и зашагал к лесной чаще.

— Как думаешь, зачем наставник его ищет? — едва слышно шепнул Цяо Ю, провожая взглядом удаляющуюся фигуру.

— Понятия не имею. Но если тебе так любопытно, можешь пойти и спросить у него сам, — холодно отозвался Сяо Танцин, поправляя висевшие на поясе Парные Клинки. Вдруг нахмурившись, он огляделся по сторонам: — Погоди, а где Си Яо?

— Да вот же он, сто... — Цяо Ю указал рукой в сторону, но тут же осекся и озадаченно почесал затылок: — Странно. Только что ведь тут стоял. Куда подевался?

То место, где мгновение назад тихо дожидался своей участи четвертый ученик, теперь пустовало.

У Синбай шел вглубь леса уверенным, неторопливым шагом. Его руки были пусты: грозное оружие, Расписная алебарда, уравнивающая небеса, которую он прежде никогда не выпускал из рук, уже несколько дней не являлась миру. Но стоило ему углубиться в чащу по направлению к поляне, где тренировался Цзи Гуаньци, как он резко замер.

Взгляд его потемнел.

— Выходи, — негромко приказал он.

В кронах деревьев мирно заливались птицы, а в густом подлеске шуршала безвредная лесная живность. На первый взгляд чаща казалась совершенно спокойной.

— Си Яо, — безошибочно назвал имя скрывающегося лазутчика У Синбай.

Из-за массивного ствола в нескольких чжанах от него тут же раздался шорох ветвей. Мгновение спустя перед ним предстал испуганный юноша, прижимающий к груди пушистого кролика.

— Ваш ничтожный ученик Си Яо приветствует наставника, — пролепетал он, склоняясь в глубоком поклоне.

Зверек в его руках сидел смирно, испуганно поводя ушами и переводя взгляд больших блестящих глаз с Си Яо на грозного Бессмертного почтенного.

— Зачем ты крадешься за мной следом? — ровным, лишенным каких-либо эмоций голосом спросил У Синбай.

— Ученик вовсе не помышлял о дерзости, — поспешно оправдался Си Яо, опуская голову. — Просто... я в обители всего несколько дней, и мне показалось, что старший брат ко мне не слишком благоволит. Вот я и решил преподнести ему этот подарок. До меня дошли слухи, что когда-то у старшего брата был ручной кролик, который потом бесследно сбежал.

«Разве он держал когда-то кроликов?»

У Синбай действительно не помнил за своим старшим учеником подобных привязанностей.

— Принято дарить то, что дорого сердцу, — мягко продолжил Си Яо. — Ведь если подарок не по душе, то даже золотые горы покажутся старшему брату бесполезным сором. Я не думал, что мои глупые хлопоты потревожат наставника. Молю о прощении.

— Отдай его мне. И возвращайся к себе, — У Синбай молча подошел к юноше, бесцеремонно забрал кролика из его рук и небрежно махнул рукавом.

Оставшись с пустыми руками, Си Яо лишь растерянно моргнул, не в силах вымолвить ни слова. Ему оставалось лишь безмолвно смотреть вслед уходящему прочь наставнику.

Продолжать слежку он больше не посмел.

В глубине рощи бушевал ледяной вихрь. Потоки чистейшей энергии, напитанные силой Неба и Земли, ощущались за много чжанов; казалось, направь их вовне — и они без труда оборвут чужую жизнь на расстоянии десяти ли. Каждое движение клинка отличалось безупречной, поистине пугающей точностью. Мастерство владения мечом достигло той вершины, когда смертоносная сила разит намеченную цель, не колебая даже хрупкие стебли травы под ногами.

Подобная легкость дается не только врожденным талантом, но и годами изнурительного, упорного труда, когда каждый взмах оружия выверяется до сотой доли цуня, пока не сольется с самим дыханием.

Но стоило У Синбаю переступить невидимую границу барьера, как яростно клубящаяся вокруг поляны аура на мгновение замерла. В следующий миг сотни невидимых клинков, словно обретя единую волю, устремились прямо к незваному гостю.

Любого другого этот сокрушительный удар превратил бы в кровавое решето. Однако Цзи Гуаньци даже не подумал сдержать натиск, позволяя сверкающей стали нестись прямо в лицо своему наставнику.

<http://bllate.org/book/20080/1994990>